

Пять с половиною лѣтъ въ должности редактора.

Въ концѣ восьмидесятихъ годовъ въ корпораціи Московской Духовной Академіи созрѣла и укрѣпилась мысль о необходимости произвести коренную реформу въ изданіи печатнаго академическаго органа. Давній журналъ академіи— „Творенія Св. Отцевъ съ прибавленіями духовнаго содержанія“, основанный еще въ началѣ сороковыхъ годовъ и въ свое время пользовавшійся большимъ успѣхомъ, и по формѣ и по содержанію своему былъ не столько журналомъ, сколько ученымъ сборникомъ. Онъ выходилъ только четыре раза въ годъ толстыми книгами и наполнялся почти исключительно переводами отеческихъ твореній и изслѣдованіями специально-научнаго характера. По прошествіи почти полулѣтка, такого рода журналъ многимъ казался уже несоотвѣтствующимъ потребностямъ времени, что подтверждалось и малымъ количествомъ подписчиковъ, благодаря которому „Творенія“ могли существовать лишь при крупній субсидіи изъ средствъ московской митрополичьей казны; а потому представлялось желательнымъ замѣнить прежній академическій органъ изданіемъ ежемѣсячнымъ, которое, на ряду съ переводами отеческихъ твореній и учеными богословскими изслѣдованіями, по возможности давало бы нѣкоторый откликъ на вопросы современной религіозно-церковной жизни. Ближайшимъ и настойчивымъ побужденіемъ къ скорѣйшему осуществленію такого намѣренія академической корпораціи послужило то обстоятельство, что въ послѣдній годъ пребыванія Высокопр. Іоаннікія на московской митрополіи субсидія на изданіе „Твореній“ была прекращена и такимъ образомъ этотъ журналъ долженъ былъ естественною смертію прекратить свое существованіе. Возбужденное совѣтомъ академіи ходатайство предъ

Св. Синодомъ о разрѣшеніи изданія академическаго журнала по новой программѣ и на новыхъ основаніяхъ было удовлетворено и такимъ образомъ съ января 1892 года явился на свѣтъ „Богословскій Вѣстникъ“.

Пламеннымъ сторонникомъ и пропагандистомъ мысли о созданіи новаго академическаго журнала былъ заслуж. э.-орд. профессоръ П. И. Горскій-Платоновъ, который принималъ самое горячее и дѣятельное участіе какъ въ выработкѣ программы журнала, такъ и въ ходатайствѣ предъ Синодомъ и во всѣхъ хлопотахъ по опредѣленію внѣшности журнала и по постановкѣ дѣла его печатанія. Избранный на общемъ собраніи академической корпораціи редакторомъ новаго журнала, проф. Горскій взялся за любезное ему дѣло съ необычайнымъ рвеніемъ, которое у него, при живости его натуры, получило даже характеръ какого-то страстнаго увлеченія. Дѣламъ и интересамъ журнала онъ отдавалъ весь свой трудъ и все свое время; они были какъ будто единственнымъ предметомъ его мысли и только о нихъ непрестанно вель онъ оживленныя бесѣды съ своими сослуживцами. При страстности увлеченія и недостаточной широтѣ кругозора, составлявшей одну изъ его личныхъ особенностей, онъ придавалъ академическому журналу и своей редакторской дѣятельности слишкомъ преувеличенное и чуть ли не міровое значеніе и уносился по этому поводу въ область такихъ необъятныхъ мечтаній о будущемъ, которыя у его товарищей вызвали подчасъ невольную улыбку. Къ сожалѣнію, на долю безгранично-преданнаго своему дѣлу и искренно увлекавшагося мечтателя выпало жестокое разочарованіе. Не только пламенные мечты его оказались далекими отъ дѣйствительности, но даже въ самомъ скоромъ времени пришлось ему съ болью и совсѣмъ оторваться отъ того дѣла, которое душѣ его было такъ близко и дорого. Нѣкоторая своеобразность и односторонность во взглядахъ, недостатокъ терпимости къ чужимъ мнѣніямъ и, главнымъ образомъ, стремленіе къ неограниченному самовластію и несчастная склонность подозрѣвать въ словахъ и дѣйствіяхъ окружающихъ лицъ непремѣнно какія либо заднія мысли и скрытыя намѣренія породили столько столкновеній и непріятностей, до такой степени испортили отношенія П. И-ча къ членамъ корпораціи, что на второй же годъ своего редакторства онъ вынуж-

день былъ, при всемъ своемъ желаніи, отказаться отъ должности.

Въ апрѣлѣ 1893-го года на общемъ собраніи академической корпораціи состоялся новый выборъ на должность редактора „Богословскаго Вѣстника“ и этотъ выборъ неожиданно-негаданно палъ на меня. При тѣхъ трудностяхъ, какія неизбѣжно сопряжены съ прохожденіемъ такой отвѣтственной должности, при моей поляѣйшей неопытности въ журнальномъ дѣлѣ и, особенно, при тѣхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, какими сопровождалась редакторская дѣятельность и отставка моего предшественника, не трудно понять, съ какими чувствами принималъ я на себя это тяжелое бремя. Однако вскорѣ оказалось, что мое новое положеніе можетъ быть далеко не такимъ тяжкимъ и тревожнымъ, какимъ оно представлялось мнѣ со стороны, и первые же мѣсяцы работы на редакторскомъ поприщѣ успѣли уже создать во мнѣ спокойное и доброе настроеніе. Перебирая свои старыя бумаги теперь, т. е. черезъ 22 года послѣ описываемыхъ событій, я нашель, между прочимъ, одну записку, которая можетъ служить яснымъ подтвержденіемъ высказанной мысли. Въ тѣ времена въ нашей академіи было обычнымъ, по поводу какихъ-либо знаменательныхъ моментовъ академической жизни сходиться всѣмъ членамъ корпораціи подъ предсѣдательствомъ о. ректора на товарищескія собранія для обмѣна мыслей за чашкою чая или братскою трапезой. На этихъ собраніяхъ нѣкоторые выступали иногда съ рѣчами, которыя и служили нерѣдко предметомъ для оживленной бесѣды. Не разъ приходилось ораторствовать и мнѣ, при чемъ обыкновенно я записывалъ свои рѣчи и сохранялъ ихъ на память въ своихъ бумагахъ. Таковую-то вотъ записку своей застольной рѣчи, произнесенной при окончаніи учебныхъ занятій 6-го іюня 1893 го года, я и хочу привести здѣсь для характеристики моего тогдашняго редакторскаго настроенія. Я говорилъ тогда: „Вотъ и еще закончили мы учебный годъ! Вотъ и опять собрались мы, чтобы отпраздновать это окончаніе дружною, братскою трапезой! Кажется, всего естественнѣе было бы мнѣ въ этомъ случаѣ оглянуться назадъ и окинуть мысленнымъ взоромъ все пережитое, передуманное и перечувствованное въ минувшемъ году. Тѣмъ болѣе, что годъ этотъ былъ богатъ событіями какъ

въ обще-церковной, такъ и въ нашей академической жизни, и продолжаетъ удивлять насъ ими даже до самыхъ послѣднихъ дней, хотя впрочемъ иногда далеко не на радость. Не мало поучительныхъ уроковъ можно было бы извлечь на сей разъ изъ минувшихъ событій, но хоть я и недавно писалъ о томъ, какъ полезно почаще оглядываться назадъ, тѣмъ не менѣе теперь мнѣ глядѣть назадъ не хочется. Въ настоящее время мнѣ почему-то съ особенною ясностію припоминается одна почтенная ветхозавѣтная особа, которая жестоко поплатилась за свое неумѣстное стремленіе оглядываться назадъ. Если когда, то именно теперь, я чувствую особенную склонность извлечь себѣ назиданіе изъ ея примѣра. Правда, я знаю, что жить безъ оглядки, смотрѣть и стремиться только впередъ,—это свойство юности, не совсѣмъ уже прилично моимъ годамъ; но вѣдь не даромъ же одна высокопоставленная особа ¹⁾, не ветхозавѣтная только, назвала меня недавно „молодымъ профессоромъ“, совсѣмъ впрочемъ не въ смыслѣ комплимента. Я дѣйствительно теперь помолодѣлъ, переживаю въ нѣкоторомъ смыслѣ вторую молодость, и причину этого отчасти я самъ, а отчасти Вы. Зачеркнувъ почти двадцать лѣтъ своей прежней службы, я перешелъ на другую кафедру ²⁾, опять начинаю новую жизнь, снова становлюсь въ пережитое нѣкогда положеніе приватъ-доцента со всѣми тревоженіями и заботами, свойственными этому положенію. Я начинаю новую жизнь еще потому, что Вамъ угодно было поставить меня во главѣ новаго, совсѣмъ для меня невѣдомаго, дѣла и притомъ такого дѣла, которое невольно захватываетъ, увлекаетъ, заставляетъ думать о будущемъ, мечтать и жить надеждами.

Вотъ объ этомъ-то, кровномъ теперь для меня, дѣлѣ я и прошу позволенія сказать Вамъ нѣсколько словъ.

Первымъ моимъ словомъ къ Вамъ будетъ слово *благодаренія*. Почти уже два мѣсяца занимаюсь я дѣлами журнала. Въ этотъ періодъ времени не мало пришлось мнѣ вступать въ сношенія почти со всѣми своими сотоварищами и въ

¹⁾ К. П. Побѣдоносцевъ, въ письмѣ къ о. Ректору Академіи, которое будетъ приведено мною ниже.

²⁾ Съ кафедры „Новой гражданской исторіи“ на кафедру „Исторіи и разбора западныхъ вѣроисповѣданій“, освободившуюся за выходомъ съ акад. службы протоіер. Д. Ѡ. Касицына.

частныхъ бесѣдахъ по дѣламъ журнала, и въ засѣданіяхъ комиссіи, и въ общихъ собраніяхъ. Съ искреннимъ удовольствіемъ я при этомъ убѣдился, что нашъ журналъ по праву носить названіе „издаваемого Московскою Духовною Академіей“, ибо съ кѣмъ бы я не бесѣдовалъ, къ кому бы ни обращался съ просьбою о совѣтѣ и помощи, всегда видѣлъ, что интересы журнала встрѣчаютъ въ нашей средѣ неизмѣнное сочувствіе и полную готовность къ содѣйствію, что многіе изъ насъ успѣли доказать уже и явно для всѣхъ самымъ дѣломъ. Вотъ за это-то сочувственное отношеніе придающее мнѣ бодрость и силу, считаю пріятнымъ долгомъ сказать Вамъ мое сердечное спасибо.

Вторымъ словомъ моимъ будетъ слово *прошенія*. Наступила вакація. Разбредутся теперь, можетъ быть, многіе изъ насъ по разнымъ городамъ и селамъ и, свободные отъ обязательнаго дѣла, станутъ полными хозяевами своего своего времени. Но гдѣ бы Вы ни были, по какимъ бы лѣсамъ не ходили, какими бы морями не любовались, не откажитесь иногда вспомнить, что существуетъ на свѣтѣ „Богословскій Вѣстникъ“ и, какъ все существующее, требуетъ питанія. Въ свободное время пусть каждый изъ Васъ не откажется подумать: что могъ бы онъ, не затрудняя себя, дать читателю нашего журнала къ наступающему учебному году. Если бы большинство изъ насъ, или даже хоть только половина, дали послѣ вакаціи лишь по одной небольшой статейкѣ, какія бы роскошныя книжки могли мы подарить читателямъ въ концѣ текущаго года! Вѣдь наша корпорація—сила большая и даже при немногихъ условіяхъ можетъ достигнуть многого! Но... мое слово *прошенія*, кажется ужъ начинаетъ переходить въ *славословіе*?

Почему же и не такъ? Намъ, питомцамъ Московской Академіи, такъ естественно воздать дань хвалы воспитавшему насъ учрежденію. Поднимемъ же бокалъ за процвѣтаніе родной Академіи и да будетъ „Богословскій Вѣстникъ“ ея достойнымъ выразителемъ!“

Дальнѣйшее изложеніе моихъ настоящихъ воспоминаній должно съ большею или меньшею ясностію показать, какъ и при какихъ условіяхъ шло дѣло „Богословскаго Вѣстника“ въ годы моего редакторства, и насколько послѣдующія событія содѣйствовали поддержанію того бодрого на-

строенія, съ какимъ начиналъ я свою редакторскую дѣятельность.

По своему юридическому положенію нашъ академическій органъ пользовался нѣкоторою автономіей. Хотя его открытіе состоялось съ разрѣшенія и его программа получила утвержденіе Свят. Синода, однако зависимость журнала отъ высшей церковной власти выражалась только въ томъ, что избранный корпораціею редакторъ утверждался Свят. Синодомъ и отчетъ по изданію исключительно хозяйственнаго свойства, представлялся ежегодно чрезъ Совѣтъ Академіи. Конечно, митрополитъ Московскій, какъ ближайшій высшій начальникъ Академіи, могъ оказывать на ходъ дѣлъ журнала весьма существенное вліяніе, но это вполнѣ зависѣло отъ его личнаго усмотрѣнія, такъ какъ формально онъ касался журнальныхъ дѣлъ лишь настолько, насколько важнѣйшія изъ нихъ представлялись на обсужденіе академическаго Совѣта. Въ первое время существованія „Богословскаго Вѣстника“ Архипастыремъ Московскимъ былъ Высокопр. Леонтій, который относился къ Академіи и ея ректору, о. арх. Антонію, съ искреннимъ довѣріемъ и отеческимъ расположеніемъ, а потому и академическій журналъ во всѣхъ своихъ нуждахъ и начинаніяхъ неизмѣнно встрѣчалъ съ его стороны лишь благожелательное покровительство и поддержку выразившіяся, между прочимъ, въ щедрыхъ субсидіяхъ отъ Московской кафедры на изданія, предпріятыя Академіей по поводу торжества въ память пятисотлѣтія со дня кончины Препод. Сергія.

Фактическимъ высшимъ распорядителемъ „Богословскаго Вѣстника“ была вся академическая корпорація въ совокупности, осуществлявшая свою законодательную и административную власть въ общихъ редакціонныхъ собраніяхъ, гдѣ принимали участіе не только профессора и доценты, но и всѣ должностныя лица Академіи, какъ секретарь, бібліотекаръ и ихъ помощники и т. п. Общія собранія, подъ предсѣдательствомъ о. ректора, обыкновенно устраивались предъ засѣданіями Совѣта Академіи, чтобы члены послѣдняго имѣли возможность, по окончаніи редакціонныхъ дѣлъ, продолжать свою дѣятельность, не выходя изъ зала засѣданій. Непосредственное завѣдываніе всѣми дѣлами журнала находилось въ рукахъ редактора, при чемъ въ помощь ему по

просмотру рукописей, представляемыхъ для напечатанія въ журналѣ, избирались особые редакторы отдѣловъ, изъ которыхъ одинъ имѣлъ дѣло съ рукописями переводовъ отеческихъ твореній, другой—со статьями научнаго содержанія, третій и четвертый—съ публицистическими и библиографическими. Всѣ эти лица, подъ предсѣдательствомъ редактора журнала составляли изъ себя комиссію, которая по мѣрѣ надобности собиралась на засѣданія для обсужденія вопросовъ относительно печатающагося матеріала. Въ періодъ моего редакторства членами комиссіи состояли: А. П. Лебедевъ, А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій, М. Д. Муретовъ и А. И. Введенскій. Каждая представлявшаяся въ журналѣ статья, прежде всего, прочитывалась редакторомъ и если онъ находилъ ее пригодною для напечатанія, или возбуждающею лишь нѣкоторое сомнѣніе, то передавалъ ее на прочтеніе члену комиссіи соответствующаго отдѣла, послѣ чего она возвращалась къ редактору на окончательное рѣшеніе. Подборъ и сортировка статей по отдѣламъ, опредѣленіе размѣра и состава каждой журнальной книжки въ отдѣльности было дѣломъ редактора, но памятуя недавній опытъ своего предшественника и желая какъ можно болѣе избѣгать всякихъ поводовъ къ обвиненіямъ въ самовластїи, я счелъ за лучшее составленный мною проэктъ каждой книжки представлять на предварительный просмотръ общаго редакціоннаго собранія. Такой порядокъ соблюдался неизмѣнно, причѣмъ я не помню ни одного случая, чтобы проэктъ книжки вызывалъ въ собраніи какія-либо пререканія. Вообще наши редакціонныя собранія почти всегда проходили въ мирѣ и согласіи, такъ что за всѣ годы моего редакторства я могу припомнить лишь одинъ-два случая, когда произошли инциденты, потребовавшіе корпоративнаго разбирательства. Нужно замѣтить, что никакихъ официальныхъ протоколовъ на нашихъ общихъ собраніяхъ не велось; считалось достаточнымъ ограничиваться лишь тѣмъ, что постановленія собраній, долженствовавшія имѣть на будущее время для редакціи руководственное значеніе, записывались въ особую книгу, хотя ничьею подписью при этомъ не скрѣплялись, и такая запись, повидному, не придавала имъ безусловно-обязательной силы. Вотъ на этой-то почвѣ и разыгрался одинъ изъ упомянутыхъ мною инцидентовъ. По поводу бывшихъ при-

мѣровъ общее собраніе однажды постановило, что не слѣдуетъ оплачивать гонораромъ помѣщаемыя въ „Б. В.“ статьи, если авторы этихъ статей одновременно печатаютъ ихъ и въ какомъ-либо другомъ журналѣ. Уже послѣ этого постановленія случилось, что одинъ изъ профессоровъ, печатая въ „Б. В.“ свое большое ученое изслѣдованіе, часть его лишь въ нѣсколько измѣненномъ видѣ помѣстилъ въ то-же время въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ. Редакціонная коммиссія, основываясь на раннѣйшемъ руководственномъ постановленіи и соблюдая интересы журнала, не признала возможнымъ оплачивать гонораромъ ту часть изслѣдованія, которая, кромѣ „Богосл. Вѣстника“, была напечатана и въ другомъ духовномъ журналѣ; но авторъ обжаловалъ это рѣшеніе коммиссіи и общее собраніе, послѣ довольно бурныхъ разсужденій, въ противорѣчіе самому себѣ постановило выдать автору причитающійся гонораръ полностью на общихъ основаніяхъ.

Все канцелярское дѣло по изданію журнала находилось въ завѣдываніи секретаря редакціи, который избирался изъ числа профессоровъ академіи общимъ собраніемъ. При мнѣ послѣдовательно занимали эту должность Г. А. Воскресенскій и С. С. Глаголевъ. На секретарѣ редакціи, который состоялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и членомъ редакціонной коммиссіи, лежала вся ея исполнительная часть по денежнымъ дѣламъ журнала, т.-е. полученіе платы съ подписчиковъ, съ покупателей отеческихъ твореній и другихъ изданій редакціи, съ книжныхъ магазиновъ, служившихъ коммиссіонерами редакціи, процентовъ съ капитала, находившагося въ распоряженіи редакціи; а также выдача гонорара сотрудникамъ, жалованья служащимъ при редакціи, расчеты съ типографіей, съ поставщиками бумаги, съ почтою, веденіе отчетности по изданію, наблюденіе за разсылкой журнала и продающихся изданій, за исправностію канцелярскихъ книгъ, корректура адресовъ, обложки журнала и объявленій, а также послѣдняя корректура тѣхъ статей, авторы которыхъ по дальности разстоянія или по инымъ причинамъ не могутъ принять это дѣло на себя, при чемъ за такого рода корректуру секретарь редакціи получалъ дополнительное вознагражденіе, выдававшееся авторамъ по количеству листовъ текста. Такъ какъ главная отвѣтственность по дѣламъ журнала возлагалась на

редактора, то и дѣйствія секретаря редакціи по денежной и канцелярской части совершались не иначе, какъ съ вѣдома и при должномъ наблюденіи и разрѣшеніи со стороны редактора. Дѣлопроизводствомъ по журналу занимались особые письмоводители изъ студентовъ академіи, обычно и обитавшіе при канцеляріи редакціи, получая за свой трудъ небольшое вознагражденіе отъ 5 до 10 рублей въ мѣсяцъ. Такой составъ канцеляріи представлялъ иногда нѣкоторыя неудобства, такъ какъ студенты, занятые своими учебными работами, въ особенности въ періодъ экзаменовъ и въ послѣднія недѣли предъ сроками для подачи сочиненій, не могли, конечно, быть безукоризненно аккуратными въ исполненіи своихъ, хотя бы и особенно-экстренныхъ и срочныхъ, обязанностей по дѣламъ журнала. Въ виду этого обстоятельства при мнѣ произведенъ былъ опытъ замѣнить студентовъ особымъ, приглашеннымъ со стороны, письмоводителемъ, который всецѣло и исключительно занятъ былъ бы дѣлами редакціи, но опытъ оказался неудачнымъ и пришлось возвратиться къ прежнему порядку.

Дѣло печатанія Богосл. Вѣстника съ первыхъ же дней его существованія, благодаря заботамъ и стараніямъ его перваго редактора П. И. Горскаго, находилось въ очень хорошихъ условіяхъ. Владѣлица одной изъ извѣстныхъ московскихъ типографій А. И. Снегирева открыла для Богословскаго Вѣстника и другихъ изданій академіи отдѣленіе своей типографіи въ Сергіевскомъ посадѣ, снабдивъ его вполне достаточнымъ оборудованіемъ и количествомъ рабочихъ, поставивъ въ немъ опытнаго метранпажа и поручивъ непосредственное завѣдываніе отдѣленіемъ одному изъ своихъ сыновей. Благодаря такой хорошей постановкѣ дѣла и личному расположенію А. И. Снегиревой къ академіи, Богословскій Вѣстникъ имѣлъ у себя подъ руками такую типографію, которая, можно сказать, была для него почти своею, аккуратно исполняя его требованія и даже, по возможности, идя любезно на встрѣчу всѣмъ его желаніямъ, такъ что за все время моего редакторства у меня не было съ типографіей никакихъ недоразумѣній и неизмѣнно сохранялись самыя лучшія отношенія.

Не имѣя подъ руками бумагъ по дѣламъ журнала, переданныхъ мною въ свое время въ архивъ редакціи при сдачѣ

должности преемнику, я, конечно, не могу въ настоящее время сообщить исчерпывающихъ и точныхъ цифровыхъ данныхъ о финансовой сторонѣ Богословскаго Вѣстника за годы моего редакторства, а потому ограничусь лишь тѣмъ, что сохранила моя память и за вѣрность чего, хотя иногда приблизительную, могу поручиться.—Каждая книжка журнала обходилась приблизительно въ 900 рублей; годовой окладъ жалованья редактору былъ установленъ въ 600 рублей, секретарю редакціи—въ 300 руб., а членамъ редакціонной комиссіи, сколько помнится,—по 100 рублей. Гонораръ сотрудникамъ, — членамъ академической корпораціи, полагался въ размѣрѣ 30-ти рублей съ листа за статьи оригинальныя и 20-ти рублей за переводныя, при чемъ за послѣднюю корректуру тѣхъ и другихъ уплачивалось еще по 2 р. съ листа. За статьи лицъ постороннихъ, не принадлежащихъ къ составу академической корпораціи, гонораръ платился въ уменьшенномъ размѣрѣ, за нѣкоторыми впрочемъ исключеніями. Годовой общій расходъ редакціи простирался обычно до одиннадцати или двѣнадцати тысячъ. Главнымъ источникомъ средствъ для покрытія этого расхода была подписка. Нашъ первый редакторъ увлекался въ этомъ отношеніи очень смѣлыми мечтами и сообразно съ этимъ настоялъ, чтобы Богосл. Вѣстникъ печатался не менѣе, какъ въ количествѣ 2,400 экземпляровъ. Однако въ первый годъ подписка едва достигла 1300 номеровъ; а на второй годъ не только не возросла, но, напротивъ, понизилась номеровъ на полтораоста. Такое движеніе подписки на убыль продолжалось и для третьяго года, послѣ чего, опустившись почти до тысячи, остановилось и на этой цифрѣ количество подписчиковъ укрѣпилось на послѣдующіе годы, допуская лишь незначительныя колебанія въ ту или другую сторону въ нѣсколькихъ десяткахъ. При такомъ положеніи дѣла, количество печатающихся экземпляровъ журнала нужно было, конечно, сократить, а потому еще при первомъ редакторѣ его стали печатать въ 2,000 экз., при мнѣ же это число было уменьшено еще до 1800 и 1500. Изъ этого числа до 300 экземпляровъ раздавалось и разсылалось бесплатно, а именно: всѣмъ членамъ своей академической корпораціи, духовнымъ академіямъ и университетамъ, нѣсколькимъ высокопоставленнымъ лицамъ, многимъ духовнымъ и свѣтскимъ редак-

ціямъ въ обмѣнъ на ихъ изданія и, наконецъ, по введенному мною обычаю,—всѣмъ почетнымъ членамъ нашей академіи. Помню, что изъ лицъ послѣдней категоріи Высокопр. Амвросій, Архіеп. Харьковскій, бывший ранѣе подписчикомъ Богосл. Вѣстника, получивъ даровой экземпляръ, не пожелалъ лишать редакцію своей подписки и продолжалъ высылать деньги на журналъ во всѣ послѣдующіе годы, такъ что ему обычно посылались два экземпляра—какъ почетному члену Академіи и какъ платному подписчику.—Такъ какъ Богословскій Вѣстникъ никакой субсидіи не получалъ, то количество подписчиковъ, конечно, имѣло для него жизненное значеніе, а потому періодъ подписки былъ всегда очень тревожнымъ временемъ для состава редакціи. Обыкновенно этотъ періодъ начинался въ октябрѣ и продолжался даже до марта; но самую горячую поройъ были мѣсяцы ноябрь, декабрь и январь. Кажется, во всѣ годы моего редакторства первою ласточкой въ подпискѣ неизмѣнно былъ Преосв. Іоаннъ, епископъ Аксайскій. До сихъ поръ не могу вспомнить безъ нѣкотораго неприятнаго чувства, сколько тревоги и волненія приходилось мнѣ испытывать отъ постоянного безпокойства относительно хода подписки. Каждое утро съ напряженнымъ ожиданіемъ встрѣчалъ я почтальона, приносившаго мнѣ на квартиру повѣстку съ обозначеніемъ количества поступившихъ подписокъ, тотчасъ-же слыхалъ эту повѣстку съ прошлогоднею записью за тотъ-же день и результатомъ этого сличенія часто обуславливалось все мое настроеніе на цѣлый день. И такая тревога тянулась изо дня въ день на цѣлые мѣсяцы. Сколько разъ старался я убѣдить себя въ томъ, что совсѣмъ не стоитъ волноваться и отравлять свое существованіе изъ за какихъ-то повѣстокъ о подпискѣ; но всѣ мои самовнушенія оказывались безплодными и тревога утихала лишь тогда, когда нѣсколько счастливыхъ дней успѣвали порадовать меня крупными цифрами.—Количество подписчиковъ было важно для меня ближайшимъ образомъ со стороны матеріальнаго благосостоянія журнала; но весьма интересовался я, конечно съ другой точки зрѣнія, и ихъ составомъ. Каждый годъ, по окончаніи подписки, я пересматривалъ адресную книгу редакціи, распредѣлялъ всѣхъ подписчиковъ на категоріи по ихъ общественному положенію, и статистическую таблицу

получавшихся такимъ образомъ итоговъ представлялъ къ свѣдѣнію общаго собранія. Эти таблицы вѣроятно сохранились въ бумагахъ редакціи; но помню, что на первомъ мѣстѣ, самую многочисленную группу подписчиковъ давало Богословскому Вѣстнику бѣлое духовенство, городское и сельское. На второмъ мѣстѣ стояли духовно-учебныя заведенія, т. е. семинаріи и училища, а затѣмъ слѣдовали менѣе многочисленныя, и иногда даже совсѣмъ малочисленныя, группы: архіереи и монастыри, свѣтскія учебныя заведенія, библиотеки и читальни, свѣтскія лица разныхъ званій, подписчики заграничныя и т. д. Въ составѣ группы бѣлаго духовенства первое мѣсто принадлежало городу Москвѣ; но по сдѣланнымъ мною справкамъ оказалось однако, что выписывало Богословск. Вѣстникъ немного болѣе лишь одной трети всего количества московскихъ церквей, что представлялось, конечно, не особенно утѣшительнымъ, особенно если принять во вниманіе, что весьма многіе настоятели московскихъ церквей сами были питомцами московской академіи.—Главная доходная статья нашей редакціи, т. е. плата за подписку на журналъ, давала въ общемъ ежегодно отъ семи до восьми тысячъ рублей и такимъ образомъ не покрывала всей суммы годовыхъ расходовъ. Весьма существенную поддержку въ данномъ случаѣ оказывала редакціи продажа отеческихъ твореній. Богословскій Вѣстникъ, какъ органъ московской академіи, унаслѣдовалъ всѣ права и обязанности своего предшественника, т. е. прежняго академическаго журнала „Творенія Св. Отцевъ съ прибавленіями“, за исключеніемъ лишь права на полученіе субсидіи отъ московской митрополичьей каѳедры. Самымъ цѣннымъ въ этомъ наслѣдствѣ былъ большой запасъ переведенныхъ на русскій языкъ и изданныхъ московскою академіей твореній Св. Отцевъ: Василія Великаго, Григорія Богослова, Ефрема Сирина, Аѳанасія Александрійскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Епифанія Кипрскаго, Блаж. Теодорита, Исаака Сирина, Макарія Египетскаго, Нила Синайскаго, Исидора Пелусіота, Григорія Нисскаго и Іоанна Лѣствичника. Эти отеческія творенія такъ твердо пользовались вниманіемъ читателей, что ихъ изданія неизмѣнно расходились въ довольно большомъ количествѣ и отъ ихъ продажи наша редакція получала до трехъ тысячъ рублей ежегодно. За-

бота объ этихъ изданiяхъ и завѣдыванiе ихъ продажей составляло потому одну изъ сложныхъ отраслей редакцiоннаго хозяйства. Прежде всего, необходимо было обратить вниманiе на упорядоченiе большого склада академическихъ изданiй. Этотъ складъ помѣщался на громадномъ чердакѣ, между каменными сводами и желѣзною кровлей главнаго академическаго корпуса,—такъ называемыхъ царскихъ чертоговъ, т. е. бывшаго императорскаго дворца, построеннаго при Петрѣ Великомъ. Такое помѣщенiе во многихъ отношенiяхъ далеко нельзя было назвать удобнымъ. Подниматься въ складъ нужно было по старой, проложенной внутри стѣны, узкой и темной каменной лѣстницѣ, представлявшей не мало трудностей при доставкѣ тяжелаго книжнаго материала. Ходившiй подъ стропилами вѣтеръ, зимою—морозъ, а лѣтомъ жаръ отъ желѣзной кровли дѣлали продолжительное пребыванiе на складѣ очень неприятнымъ и рискованнымъ, а проникавшiе туда въ большомъ количествѣ голуби часто относились къ ученымъ трудамъ весьма неуважительно. Никакой описи склада редакцiя Богословскаго Вѣстника не получила. Такимъ образомъ, при крайне-неблагоприятныхъ условiяхъ обстановки, перебирая пыльные груды изданiй, пришлось употребить не мало времени, чтобы, при содѣйствiи секретаря, письмоводителей и служителя редакцiи, ознакомиться съ унаслѣдованнымъ богатствомъ и по возможности привести его въ должную извѣстность и порядокъ. Но такъ какъ при существующемъ положенiи склада не было возможности возложить отвѣтственность за него на кого-либо единолично и, при частыхъ требованiяхъ на изданiя, по необходимости приходилось разнымъ лицамъ отправляться за ними на складъ, то установить правильный учетъ и контроль по этой части представлялось въ высшей степени затруднительнымъ. Въ виду этого, рядомъ съ канцелярiей редакцiи, въ тепломъ корридорѣ и подъ парадной лѣстницей ректорской квартиры, устроено было малое отдѣленiе склада, куда и было помѣщено, по счету, небольшое количество всѣхъ академическихъ изданiй, потребное для текущей продажи, съ установленiемъ строгой отчетности. При такой постановкѣ дѣла, отправляться въ большой верхнiй складъ приходилось лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда возникала надобность пополнить малый складъ какими-либо изданiями, количество ко-

торыхъ, отчисленное для текущей продажи, оказывалось уже израсходованнымъ. Такое, не часто совершавшееся, пополненіе уже не трудно было производить подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и при участіи секретаря редакціи.— Получая большой доходъ отъ продажи отеческихъ твореній, редакція Бог. Вѣстника, конечно, должна была заботиться и о томъ, чтобы поддерживать запасъ этихъ изданій въ надлежащей полнотѣ. Соотвѣтственно этому, она внимательно слѣдила за постепеннымъ расходомъ находившихся въ ея распоряженіи изданій и, въ случаѣ надобности, принимала на себя трудъ и расходъ по ихъ переизданію. При мнѣ были такимъ образомъ выпущены новымъ изданіемъ творенія Св. Отцевъ: Макарія Египетскаго, Кирилла Іерусалимскаго и Исаака Сирина и начато переизданіе многотомныхъ твореній Св. Ефрема Сирина. Печатаніе каждаго тома этихъ отеческихъ твореній обходилось редакціи въ нѣсколько сотъ, а иногда даже и болѣе тысячи рублей, при чемъ на этотъ расходъ никакихъ отобыхъ ассигнованій не было и онъ долженъ былъ покрываться изъ текущихъ средствъ редакціи.— Нѣкоторымъ подспорьемъ Бог. Вѣстнику въ его финансахъ служили наконецъ проценты съ такъ называемаго Филаретовскаго капитала. Эти деньги, въ количествѣ 12,000 рублей, были пожертвованы Высокопр. Митрополитомъ, съ спеціальнымъ назначеніемъ на изданіе академіею библейскаго словаря, еще въ 1865 году; но, въ ожиданіи осуществленія этого ученаго предпріятія, проценты съ пожертвованнаго капитала расходовались академическою редакціей на текущія нужды. Такъ какъ при двукратномъ временномъ прекращеніи прежняго академическаго журнала на нѣсколько лѣтъ эти проценты оставались неизрасходованными, то образовался нѣкоторый ихъ излишекъ въ размѣрѣ нѣсколькихъ тысячъ, кажется до шести. Когда я принялъ на себя редакцію Богословскаго Вѣстника, въ ея распоряженіи находилось этого излишка около трехъ тысячъ и затѣмъ текущіе проценты Филаретовскаго капитала на каждый годъ.

Обладая всѣми указанными денежными средствами и соблюдая, по возможности, разумную экономію въ расходахъ, Богословскій Вѣстникъ благополучно успѣвалъ сводить концы съ концами, хотя, конечно, никогда не могъ поручиться за безусловную прочность своего существованія.

Главнымъ дѣломъ редактора была, безъ сомнѣнія, забота объ обеспеченіи журнала достаточнымъ количествомъ желаемого матеріала и о такомъ подборѣ статей для каждой книжки, который представлялъ-бы для читателей возможно-большій и разнообразный интересъ.—Въ то время содержаніе журнальныхъ книжекъ распредѣлялось на пять отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщались переводы отеческихъ твореній. Такъ какъ произведенія наиболѣе выдающихся отцовъ и учителей церкви были уже ранѣе въ большинствѣ своемъ переведены на русскій языкъ трудами московской и другихъ духовныхъ академій, то первая задача нашей редакціи по этому отдѣлу состояла въ томъ, чтобы изъ оставшагося не переведеннымъ отеческаго матеріала выбрать то, что представлялось-бы всего болѣе подходящимъ для журнала. Въ своемъ выборѣ редакція руководилась мыслию дать переводъ такихъ твореній, которыя отличались-бы возможно-большою живостію содержанія и изложенія и не представляли-бы собою произведеній, слишкомъ крупныхъ по размѣрамъ; но чтобы читатели имѣли возможность получить вѣчто цѣльное въ скоромъ времени. Соотвѣтственно этой мысли, были избраны и переведены: слова и бесѣды Св. Астерія Амасійскаго, Св. Кирилла Александрійскаго толкованіе на малыхъ пророковъ и Св. Ефрема Сирина толкованіе на посланія Св. Апостола Павла и толкованіе на Четвероевангеліе. Главными сотрудниками по этому отдѣлу были въ мое время: М. Д. Муретовъ, П. И. Казанскій и А. А. Спасскій.

Отдѣлъ второй назначался для изслѣдованій и статей по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ; но если научныя статьи отличаются слишкомъ специальнымъ характеромъ, то, интересуя сравнительно немногихъ, далеко не всегда могутъ быть доступны широкому кругу читателей. Богословскій Вѣстникъ, какъ органъ ученой коллегіи, конечно, долженъ былъ-бы давать широкій просторъ на своихъ страницахъ научнымъ изслѣдованіямъ профессоровъ академіи, но такъ какъ самое его существованіе стояло въ прямой зависимости отъ успѣха подписки, то онъ никакъ не могъ оставлять безъ вниманія требованія и интересы своихъ читателей, въ большинствѣ своемъ не принадлежавшихъ къ числу ученыхъ специалистовъ. Отсюда для нашей редакціи создавалась необходимость держаться средняго

курса. Въ многочисленной ученой корпораціи не могло быть, и никогда не было, недостатка въ научныхъ изслѣдованіяхъ, начиная съ обширныхъ диссертаций и оканчивая небольшими очерками по отдѣльнымъ вопросамъ. Давая въ журналѣ надлежащій просторъ этимъ изслѣдованіямъ, редакция должна была, съ одной стороны,—выбирать изъ нихъ, по возможности, такія, которыя не были-бы слишкомъ сухи и спеціальны, а съ другой стороны,—стараться и о томъ, чтобы члены корпораціи не отказывались писать статьи прямо для журнала, т. е. не потому только, что извѣстный вопросъ интересуетъ автора по своему существу, какъ предметъ его спеціальныхъ занятій, но и потому, что та или другая тема можетъ быть особенно интересною для читателей Богословскаго Вѣстника. Конечно, такой образъ дѣйствій редакціи, какъ всякій средній курсъ, вызывалъ иногда нѣкоторое недовольство и претензіи, то со стороны сотрудниковъ, которымъ не всегда оказывалось возможнымъ помѣстить въ академическомъ журналѣ свои спеціальныя работы, то со стороны читателей, которымъ приходилось иногда встрѣчать на страницахъ Богословскаго Вѣстника статьи, мало для нихъ интересныя и не для всѣхъ доступныя. Избѣжать такого положенія редакция была не въ силахъ и потому съ нѣкоторыми проявленіями недовольства то съ той, то съ другой, стороны ей по необходимости приходилось мириться, направляя лишь всѣ свои усилія къ тому, чтобы Богословскій Вѣстникъ былъ и научнымъ и, по возможности, интереснымъ для всего круга его читателей.—Во второмъ отдѣлѣ журнала при моемъ редакторствѣ изъ значительныхъ по размѣрамъ трудовъ академической корпораціи были напечатаны изслѣдованія: „О церковной дисциплинѣ“ и „Московскій митрополитъ Макарій (Булгаковъ), какъ проповѣдникъ“—В. Θ. Кипарисова, „Объ антихристѣ“—А. Д. Бѣляева, „Иерархія англиканской епископальной церкви“—В. А. Соколова, „Эрнестъ Ренанъ и его Жизнь Иисуса“—М. Д. Муретова, „Методъ утилитаризма“ и „Критика нравственнаго ученія Бентама, Милля и эволюціонной теоріи нравственности“—И. В. Попова, рядъ словъ Прот. А. В. Горскаго, „Греко-восточная церковь подъ владычествомъ Турокъ послѣ паденія Византійской имперіи“—А. П. Лебедева, „Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви“—Е. Е. Голубинскаго и др. При печатаніи нѣ-

которыхъ болѣе обширныхъ изъ этихъ изслѣдованій, бывшихъ диссертациями на ученныя степени, редакция придерживалась такого порядка, чтобы части ихъ въ книжкахъ журнала представляли, по возможности, нѣчто цѣльное и носили особыя заглавія.—Большая часть второго отдѣла наполнялась статьями, которыя вмѣщались въ одной или двухъ книжкахъ и такимъ образомъ представляли для чтенія матеріаль разнообразный, при чемъ многія изъ нихъ писались специально для журнала и перѣдко по особой просьбѣ редакціи; а потому и авторы ихъ и редакторъ, при выборѣ предмета и его разработкѣ, по возможности имѣли въ виду своихъ будущихъ читателей. Чтобы составить нѣкоторое понятіе о степени разнообразія и интереса этихъ статей, достаточно припомнить, что за время моего редакторства во второмъ отдѣлѣ журнала были напр. напечатаны: „Книги и ихъ судьбы“—А. П. Смирнова; „Объ апокрифической перепискѣ Апостола Павла съ Коринѣянами“. „Господь І. Христосъ былъ ли сверженъ со скалы Назаретянами? и „Чудовская рукопись Новаго Завѣта принадлежитъ ли Св. Алексію митрополиту Московскому?“—М. Д. Муретова; „Чудо и наука“, „Конецъ земли“, „Больной цѣлитель“, „Запретныя идеи“ и „Мнимое открытіе“—С. С. Глаголева; „Двѣ крайности: паписты и толстовцы“, „Нравственная идея догмата Пресвятой Троицы“, „Пастырское изученіе людей и жизни по сочиненіямъ Ѡ. М. Достоевскаго“ и „Два пути пастырства—латинскій и православный“—О. Арх. Антонія ¹⁾; „Разборъ инославныхъ ученій объ оправданіи“, „Вопросъ о личномъ спасеніи“ и „Вѣчная жизнь какъ высшее благо“—О. Арх. Сергія ²⁾; „Можно ли признать законность іерархіи старо-католиковъ?“, „Елизавета Тюдоръ, королева англійская“ и „О соединеніи церквей“—В. А. Соколова; „Личность въ іезуитизмѣ“ и „Нравственно-воспитательное значеніе музыки, по воззрѣніямъ Платона и Аристотеля“—А. П. Шостыина; „Ватиканскій соборъ—Н. А. Колосова; переводъ „Буллы папы Льва XIII объ англиканскихъ рукоположеніяхъ“ и „Отвѣтъ архіепископовъ Англій на апостольское посланіе папы Льва XIII“:

¹⁾ Храповицкаго, Ректора Академіи, нынѣ Архіепископа Харьковскаго.

²⁾ Страгородскаго, Инспектора Академіи, нынѣ Архіепископа Финляндскаго.

„Возрожденіе по ученію Преп. Макарія Египетскаго“ и „Объ эгоизмѣ и христіанской любви къ самому себѣ“ — О. Арх. Григорія ¹⁾, „Нравственное значеніе страданій съ христіанской точки зрѣнія“ и „Отношеніе нравственности къ религіи“—Н. Г. Городенскаго; „О времени празднованія Пасхи у христіанъ востока и запада“—Д. Ѳ. Голубинскаго; „Молитвенныя храмины и открытыя христіанскіе храмы первыхъ трехъ вѣковъ“, „О древнѣйшихъ изображеніяхъ Божіей Матери“, „Происхожденіе, назначеніе и устройство римскихъ катакомбъ“ и „О путешествіяхъ древнихъ христіанъ и нашихъ старинныхъ паломниковъ въ св. землю, Римъ и Царьградъ“—А. П. Голубцова; „Чешско-славянская литургія“—Г. А. Воскресенскаго; „Циѣ священнаго коронованія“—К. М. Попова; „Что такое раскольничій бракъ?“—Н. А. Заозерскаго; „Философія будущаго въ Германіи“, „Ученіе Канта о пространствѣ“ и „О современныхъ задачахъ воспитанниковъ духовныхъ академій въ области философіи“—А. И. Введенскаго; „Художественное творчество и религіозное познаніе“, „Значеніе философскихъ наукъ въ системѣ семинарскаго образованія“ и „Вѣчный міръ въ философскомъ проеэктѣ Канта“ — П. В. Тихомирова; „Господство грековъ въ іерусалимскомъ патриархатѣ“—Н. Ѳ. Каптерева; „Порабощеніе Руси Монголами и отношеніе Хановъ монгольскихъ къ русской церкви или къ вѣрѣ Русскихъ и къ ихъ духовенству“, „Митрополитъ всея Россіи Кириллъ III“, „Митрополитъ всея Россіи Максимъ“ и „Къ вопросу о началѣ книгопечатанія въ Москвѣ“—Е. Е. Голубинскаго; „Значеніе Печерскаго монастыря въ начальной исторіи русской церкви и общества“—С. И. Смирнова; „Древне русскій приходъ“, „Эпоха преобразованія западно-русскихъ церковныхъ братствъ“, „Братства, какъ мощная защита православія“, „Охранительная дѣятельность православныхъ братствъ“ и „Жизнь и дѣятельность братствъ во второй половинѣ XVII и въ XVIII вѣкахъ“—А. А. Папкова; „Иннокентій Митрополитъ Московскій и Коломенскій въ его отношеніи къ Моск. Дух. Академіи“—И. Н. Корсунскаго; рядъ стихотвореній, Н. А. Энгельгардтъ, прот. Ѳ. А. Голубинскаго, С. С. Глаголева, свящ. А. Ушакова и М. Ляпидевскаго... и мн. др.

¹⁾ Борисоглѣбскаго, Инспектора академіи.

Наибольшее количество заботъ и труда требовалъ отъ редакціи третій отдѣлъ журнала, куда входили статьи и сообщенія о современныхъ событіяхъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ, а также хроника внутренней академической жизни. Обзорніе событій въ церквахъ славянскихъ любезно принялъ на себя извѣстный специалистъ по этому предмету проф. Г. А. Воскресенскій, при чемъ въ помощь ему редакціей было выписано нѣсколько славянскихъ періодическихъ изданій. Проф. Воскресенскій ежегодно давалъ журналу отъ двухъ до четырехъ статей, представлявшихъ собою систематическія, полныя и интересныя обзорнія церковной жизни въ Болгаріи, Сербіи, Черногоріи, Карловицкой и Буковинско-Далматинской митрополіи, Македоніи, Босніи и Герцеговинѣ. Изъ церковной жизни православнаго Востока, при помощи выписанныхъ редакціею греческихъ періодическихъ изданій далъ нѣсколько статей проф. И. Н. Корсунскій. О русской церковной жизни рядъ статей вышелъ изъ-подъ пера проф. Н. А. Заозерскаго, а именно: „Изъ современной церковной жизни въ Россіи“, „Посвѣщеніе своихъ пастырь православными архіереями“, „Внѣшнія условія пастырскаго служенія русскаго духовенства“, „Изъ церковной жизни. Борьба съ сектантствомъ“, „Чѣмъ силенъ штундизмъ“, „Церковно-приходскія школы“. Сюда же можно отнести статьи: „Врачебная дѣятельность священника и пастырское дѣло“—С. П. Казанскаго, „Наличныя и желательныя условія преподаванія литургики въ духовныхъ семинаріяхъ“ и „О преподаваніи гомилетики въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ“. Здѣсь же помѣщено было нѣсколько документовъ и воспоминаній изъ недавняго прошлаго, какъ напр.: „Нѣсколько документовъ по вопросу объ открытіи православной духовной академіи въ Вильнѣ“, „Къ исторіи православныхъ русскихъ миссій. Письма А. Н. Муравьева къ Высокопр. Иннокентію, Архіеп. Камчатскому“, „Письма проф. А. Θ. Лаврова Платонова къ прот. А. В. Горскому“, „Восемнадцатилѣтнее служеніе въ Лифляндіи“—прот. І. Г. Поспѣлова, „Воспоминанія о моей жизни и ученіи въ Сергіевскомъ посадѣ“—Графа М. В. Толстого и др. Наконецъ Богословскій Вѣстникъ старался по возможности откликнуться и на многія, только-что совершившіяся, болѣе или менѣе выдающіяся событія отечествен-

ной жизни. Къ числу такихъ откликовъ можно напр. отнести: „Памяти въ Бозѣ почившаго Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича“ — В. А. Соколова, „Сроки скорби и памяти объ умершемъ“ — А. П. Смирнова, „Встрѣча и проводы тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III въ Москвѣ 30—31 октября“ и „Государь, Церковь и народъ. Ко дню священнаго коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ“ — Н. А. Заозерскаго, „Предстоящія коронаціонныя торжества, ихъ внутренній смыслъ и общенародное значеніе“ — С. Д. Левитскаго, „Вѣчная память! Высокопр. Леонтій, Митр. Московскій † 1 августа“ — В. А. Соколова, „Третій Всероссийскій миссіонерскій съѣздъ“ — И. М. Громогласова; „Посѣщеніе Московской Духовной Академіи о. Іоанномъ Кронштадтскимъ“ и „Посѣщеніе Моск. Дух. Академіи примасомъ Англіи архіепископомъ Йоркскимъ“, „Первыя посѣщенія Троицкой Лавры и Академіи Высокопр. Митрополитами Леонтіемъ“ и „Сергіемъ“ — В. А. Соколова, а также Высокопр. Митр. Владиміромъ и др. — Изъ церковной жизни инославныхъ вѣроисповѣданій и другихъ нехристіанскихъ религій читателямъ Богословскаго Вѣстника были напр. предложены статьи: „Пятидесятилѣтіе епископства папы Льва XIII-го“ — А. П. Голубцова, „Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ“ — А. И. Введенскаго, „Евхаристическій конгрессъ римскихъ католиковъ въ Іерусалимѣ“ — И. Н. Корсунскаго, „Третій международный конгрессъ католическихъ ученыхъ“ и „Секція по наукамъ о религіи на третьемъ международномъ конгрессѣ католическихъ ученыхъ“ — С. С. Глаголева, „Берлинскій профессоръ церковной исторіи Адольфъ Гарнакъ и возбужденные имъ въ настоящее время споры по поводу символа Апостольскаго“ и „Неожиданный споръ между нѣмецкими учеными о составѣ евхаристическихъ даровъ древнѣйшей церкви“ — А. П. Лебедева, „Сиро-халдейскіе несторіане и присоединеніе ихъ къ православной церкви“ — А. А. Спасскаго, „На дальнемъ востокѣ. Письма Японскаго миссіонера“ — Арх. Сергія, „Современная Абиссинія“ (Изъ рассказовъ туземца) — Е. Е. Долганева. Прилагая заботу о возможно болѣе живомъ интересѣ и современности сообщеній относительной церковной жизни за границей, редакція старалась заручиться соотрудничествомъ или содѣйствіемъ такихъ лицъ,

которыя постоянно или по долгу пребывали тамъ, имѣя такимъ образомъ возможность личнаго общенія съ мѣстными инославянскими церквями и непосредственнаго наблюденія за ходомъ ихъ жизни. Нѣсколько статей было наприм. получено изъ Германіи отъ о. Н. Н. Писаревского, принадлежавшаго къ составу клира нашей православной церкви въ Берлинѣ, каковы: „Четвертый обычный протестантскій общій синодъ“ и „Полтора года въ Берлинѣ. Замѣтки о религіозной и общественной жизни“. Весьма цѣнное содѣйствіе оказывалъ редакціи питомецъ Московской Академіи, Преосвящ. Николай ¹⁾, Епископъ Алеутскій и Аляскинскій, любезно доставляя свои письменныя сообщенія и печатныя извѣстія ежедневной американской прессы о мѣстной церковной жизни. Результатомъ его сообщеній были статьи: „Парламентъ религій въ Чикаго“—В. А. Соколова, представлявшія подробный отчетъ объ этомъ интересномъ и знаменательномъ явленіи тогдашней международной церковной жизни.—Большимъ приобрѣтеніемъ для Богословскаго Вѣстника было, наконецъ, ревностное и безкорыстное сотрудничество извѣстнаго славянофила и пламеннаго защитника старокатолическаго движенія ген. А. А. Кирѣева. Много ранѣ личнаго знакомства, оживленная переписка завязалась у меня съ нимъ по поводу моей статьи и брошюры „Можно ли признать законность іерархіи старокатоликовъ?“ Сдѣлавшись послѣ того редакторомъ Богосл. Вѣстника и имѣя въ виду тотъ живой интересъ, съ которымъ русское общество относилось къ обсужденію старокатолическаго вопроса, я предложилъ А. А.—чу помѣщать его труды по этому предмету на страницахъ нашего журнала. А. А. очень благодарилъ „за такое лестное предложеніе“, признавая „очень желательнымъ“, чтобы Московская Духовная Академія приняла участіе въ обсужденіи этого вопроса „объективно“; „чѣмъ больше разъясненій, тѣмъ лучше“. Благодаря цѣлому ряду статей, данныхъ А. А. Кирѣевымъ, журналъ Московской Дух. Академіи занялъ видное мѣсто среди печатныхъ органовъ, которые приняли участіе въ оживленномъ обмѣнѣ мнѣній по старокатолическому вопросу. Статьи А. А. Кирѣева, не говоря объ ихъ достоинствахъ по самому существу и харак-

¹⁾ Зіоровъ, нынѣ Архіепископъ Варшавскій.

теру аргументаціи, имѣли особенную цѣнность потому, что авторъ ихъ былъ лично и близко знакомъ съ вождями старокатолическаго движенія, принималъ оффиціальное и дѣятельное участіе въ международныхъ старокатолическихъ конгрессахъ и въ учрежденной нашимъ Свят. Синодомъ Коммиссіи, а потому обладалъ нерѣдко такими свѣдѣніями, которыя многимъ другимъ не были доступны. Его сообщенія имѣли подъ часъ характеръ послѣдней новости, какъ напр. Роттердамскій докладъ проф. Мишо, полученный имъ непосредственно отъ самого докладчика и присоединенный къ статьѣ „Третій международный конгрессъ старокатоликовъ“, или текстъ любопытнаго документа „Чешско-славянская старо-католическая литургія“.—Наконецъ, относительно хроники внутренней академической жизни сдѣлана была попытка придать этой части отдѣла болѣе широкую и интересную постановку. Мнѣ хотѣлось поставить дѣло такъ, чтобы здѣсь сообщались свѣдѣнія о жизни не Московской только, но и всѣхъ другихъ нашихъ духовныхъ академій, и такимъ образомъ тотъ пробѣлъ, который постоянно и замѣтно даетъ себя чувствовать въ недостаткѣ взаимнаго между ними общенія, хотя до нѣкоторой степени и восполнялся бы на страницахъ Богословскаго Вѣстника. Для осуществленія этой цѣли я обратился къ нѣсколькимъ профессорамъ другихъ академій съ покорнѣйшею просьбой, — не найдутъ ли они возможнымъ раза по два въ годъ давать нашему журналу небольшія обзорѣнія текущихъ, болѣе или менѣе выдающихся и характерныхъ, явленій въ жизни своей академіи, имѣющихъ общій интересъ. Однако, никто не выразилъ желанія исполнить мою просьбу, а одинъ изъ адресатовъ въ своемъ отвѣтѣ сообщилъ мнѣ грустную вѣсть, что въ ихъ профессорской средѣ существуютъ такія отношенія, въ силу которыхъ молодые члены корпорации до такой степени мало освѣдомлены о текущихъ событіяхъ въ жизни своей собственной академіи, что нерѣдко узнаютъ о нихъ лишь по печатнымъ протоколамъ. Такъ моя попытка и потерпѣла полное крушеніе. Пришлось ограничиться обзорами событій одной Московской академіи, которые составлялись мною и печатались какъ въ первый годъ существованія Богосл. Вѣстника, такъ и въ годы моего редакторства, подъ заглавіемъ: „Изъ академической жизни“. Кромѣ этихъ си-

стематическихъ обзоровъ, въ нашемъ журналѣ печатались еще обстоятельные отчеты объ ученыхъ диспутахъ при публичной защитѣ диссертаций, составлявшіеся разными членами академической корпораціи по порученію редакціи.

Четвертый отдѣлъ журнала назначался для критики и библіографіи. Здѣсь за разсматриваемые годы помѣщенъ былъ рядъ полемическихъ статей: Е. Е. Голубинскаго, „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“,—В. А. Соколова и А. А. Кирѣева—по вопросамъ объ англиканствѣ и старокаatholicествѣ. Кромѣ того, специалистами изъ академической корпораціи здѣсь постоянно отмѣчались въ критико-біографическихъ отзывкахъ выдающіяся новости по различнымъ отраслямъ богословской и философской науки, а также предлагались систематическіе общіе обзоры научной литературы этого рода. Ревностными сотрудниками въ этомъ отдѣлѣ были: по бібліологіи—В. Н. Мышцынъ, по патрологіи—И. В. Поповъ, по основному богословію и апологетикѣ—С. С. Глаголевъ, по церковной исторіи и по исторіи раскола—А. П. Лебедевъ, А. А. Спасскій и И. М. Громогласовъ, по каноническому праву—Н. А. Заозерскій и И. М. Громогласовъ, по философіи—П. В. Тихомировъ и А. И. Введенскій, по славяновѣдѣнію—Г. А. Воскресенскій.—

Наконецъ, послѣдній,—пятый, отдѣлъ журнала былъ назначенъ для приложений, въ ряду которыхъ неизмѣнно занимали мѣсто „Журналы Совѣта Московской Духовной Академіи“, редактировавшіеся и корректировавшіеся секретаремъ Совѣта и Правленія. Печатаніе этихъ журналовъ требовалось уставомъ академіи, при чемъ расходы на этотъ предметъ покрывались изъ особой суммы, специально ассигнуемой каждый годъ въ академической смѣтѣ.—Съ самаго основанія Богословскаго Вѣстника, на обложкѣ каждой его книжки, гдѣ помѣщалась обычно его программа, между прочимъ, объявлялось, что въ пятомъ отдѣлѣ, по истеченіи нѣкотораго времени, согласно волѣ покойнаго Митрополита Филарета, будетъ печататься библейскій словарь. Такое объявленіе имѣло въ виду упомянутый мною выше филаретовскій капиталъ и ту специальную обязанность, которая съ его пожертвованіемъ возложена была почившимъ Владыкой на Московскую академію, еще въ 1865 году. Съ той поры прошло уже много лѣтъ, когда Богословскій Вѣстникъ, появив-

шись въ свѣтъ на смѣну своему предшественнику, припомнилъ этотъ старый долгъ, лежавшій на академіи, и, очевидно, намѣревался уплатить его, включивъ составленіе и печатаніе библейскаго словаря въ свою программу. Однако, когда я вступилъ въ должность редактора, шелъ уже второй годъ изданія новаго журнала, а все дѣло ограничивалось пока одними обѣщаніями, повторявшимися въ каждой книжкѣ, но никакихъ мѣръ къ исполненію этихъ обѣщаній не предпринималось. Такое положеніе редакціи я находилъ неудобнымъ, и мнѣ казалось, что ей слѣдуетъ или немедленно принять всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы обѣщаемое стало исполняться, или же, если такое исполненіе окажется почему-либо невозможнымъ,—прекратить постоянное повтореніе своихъ тщетныхъ обѣщаній. Послѣ предварительныхъ переговоровъ съ нѣсколькими членами нашей корпораціи, рѣшено было созвать общее собраніе для спеціальнаго обсужденія вопроса о возможности и благовременности изданія библейскаго словаря, какъ съ научной, такъ и съ финансовой точки зрѣнія. На это собраніе была представлена подробная докладная записка, составленная по просьбѣ редакціи профессоромъ А. П. Лебедевымъ и обстоятельно намѣчавшая планъ предполагаемаго изданія; но изъ обмѣна мнѣній выяснилось, что академическая корпорація, въ большинствѣ своемъ, признаетъ такое изданіе, при существующихъ въ настоящее время условіяхъ, несвоевременнымъ и неудобноисполнимымъ. На основаніи такого рѣшенія, редакція сочла необходимымъ, съ начала 1895 года, въ печатавшихся программахъ Богословскаго Вѣстника упоминаніе о библейскомъ словарѣ прекратить.—

Изъ научнаго матеріала, за годы моего редакторства, въ приложеніяхъ съ особымъ счетомъ страницъ были напечатаны: „Документы изъ исторіи перевода святоотеческихъ твореній въ Московской Духовной Академіи“—сообщ. И. Н. Корсунскимъ, „Изустная духовная Св. Митрофана, Епископа Воронежскаго“—сообщ. свящ. С. Е. Звѣревымъ, „Основное Богословіе или Христіанская Апологетика“ и „Православное Догматическое Богословіе“—лекціи заслуженнаго профессора Импер. Харьковскаго Университета, протоіерея В. И. Добротворскаго. Затѣмъ, въ концѣ 1896 года, состоялись переговоры нашей редакціи съ родственникомъ и наслѣд-

никомъ Высокопр. Саввы, Архіеп. Тверского, священникомъ Г. Ѳ. Виноградовымъ о печатаніи въ качествѣ приложения къ Богословскому Вѣстнику автобиографическихъ записокъ почившаго архипастыря подъ заглавіемъ: „Хроника моей жизни“, послѣ чего, съ первой книжки журнала за 1897 годъ, началось ихъ печатаніе на весьма удобныхъ для редакціи условіяхъ. Записки Высокопр. Саввы, нѣкогда питомца, а впослѣдствіи ректора и почетнаго доктора Московской Академіи, представляли собою громадное количество историческаго матеріала, такъ какъ почившій вносилъ въ нихъ не только свои личныя воспоминанія, наблюденія и сужденія о разныхъ предметахъ, лицахъ и событіяхъ, но даже всѣ письма, имъ получавшіяся, и всѣ отвѣты, имъ посылавшіеся, часто съ такимъ содержаніемъ, которое было совсѣмъ малоцѣнно по существу, или имѣло совершенно частный, мало для другихъ интересный характеръ. Изъ этого громаднаго матеріала сперва о. Виноградовъ исключалъ все, что, по его мнѣнію, представлялось излишнимъ, а затѣмъ, съ его разрѣшенія, и редакція Богосл. Вѣстника съ своей стороны еще болѣе увеличивала размѣръ этихъ исключеній. При всемъ томъ, въ концѣ концовъ матеріала записокъ все-таки хватило нашему журналу на четырнадцать лѣтъ и въ отдѣльномъ изданіи получилось девять большихъ томовъ. Такъ какъ ученый авторъ записокъ во многихъ отношеніяхъ былъ однимъ изъ выдающихся іерарховъ нашей церкви, то его воспоминанія съ постепеннымъ возвышеніемъ и расширеніемъ круга его общественной дѣятельности получали все болѣшій и болѣшій интересъ, а потому для Богословскаго Вѣстника были очень цѣннымъ приобрѣтеніемъ.—

Весьма существенную, хотя подъ-часъ далеко не радостную, сторону редакторской дѣятельности представляли сношенія съ цензурой. Академическій журналъ подлежалъ цензурѣ ректора Академіи, но такъ какъ Академія стояла въ непосредственномъ подчиненіи Митрополиту Московскому, то и настроеніе цензуры академическаго журнала зависѣло не отъ ректора только, но главнымъ образомъ отъ того тона и направленія, какіе давалъ ему, какъ цензору, Московскій Владыка. Начало моего редакторства протекало при Митрополитѣ Леонтіи, который, какъ я уже замѣтилъ выше, относился къ Академіи и ея ректору съ полнымъ довѣріемъ и

благожелательностію, а потому съ его стороны не было никакого вмѣшательства, а тѣмъ болѣе давленія на академическую цензуру. Что касается о. ректора, Архим. Антонія ¹⁾, то онъ завлялъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ надлежащей свободы въ научномъ обсужденіи богословскихъ вопросовъ. Такое его отношеніе къ Богословскому Вѣстнику давало себя чувствовать постоянно и систематически при сношеніяхъ съ нимъ редактора по поводу статей журнала, иногда и въ такихъ случаяхъ, которые могли возбудить нѣкоторое сомнѣніе. Даже нѣкоторыя внушенія, исходившія иногда изъ очень высокихъ сферъ, повидимому, не въ силахъ были заставить нашего цензора измѣнить принятое имъ положеніе въ отношеніи къ академическому журналу. Это пришлось напр. испытать мнѣ на самомъ себѣ. Не за долго до вступленія моего въ должность редактора, въ Богословскомъ Вѣстникѣ была напечатана моя статья: „Можно ли признать законность іерархіи старо-католиковъ?“, написанная вслѣдствіе обращеннаго къ редакціи призыва Преосв. Николая, епископа Алеутскаго и Аляскинскаго, и вышедшая затѣмъ отдѣльной брошюрой. Эта статья обратила на себя большое вниманіе какъ сторонниковъ, такъ и противниковъ старо-католическаго движенія, при чемъ въ средѣ послѣднихъ вызвала даже нѣкоторую тревогу, такъ какъ выводы моей статьи оказались благопріятными для старо-католиковъ, при условіи ихъ догматическаго единенія съ православною церковію. И вотъ о. ректоръ получаетъ отъ К. П. Побѣдоносцева конфиденціальное письмо, въ которомъ буквально было написано слѣдующее: „Нѣкоторые молодые профессора Духовныхъ Академій, увлекаясь возникшими толками о старокатоличествѣ и о соединеніи его съ православіемъ, спѣшатъ передавать свои впечатлѣнія публикѣ. Отъ этого могутъ быть для насъ неудобства, потому что голоса изъ Россіи нынѣ скоро воспринимаются за границею и записываются въ смыслъ авторитетныхъ мнѣній. Признаюсь, что недавняя статья Г. Соколова удивила меня дов. легкимъ отношеніемъ къ сему важному и весьма трудному вопросу. Почитаю нелишнимъ сообщить вамъ отзывъ одного авторитетнаго лица о статьѣ Соколова“.—Приложенный къ письму

¹⁾ Нынѣ Архіепископъ Харьковскій.

анонимный отзывъ, оказавшійся въ послѣдствіи произведеніемъ одного изъ видныхъ представителей нашего заграничнаго духовенства, совершенно не касался научной стороны моей работы, ограничиваясь лишь общими фразами о ея неумѣстности и той страшной опасности, которая отъ ея появленія можетъ будто бы грозить православной церкви. „На западъ“, писалъ онъ, „поднята громаднѣйшая интрига, имѣющая цѣлю ввести нашу церковь на началахъ федераціи въ общеніе съ церквами и сектами протестантскаго міра“... „Не дай Богъ, чтобы она (т. е. моя статья) попалась на глаза Вилатту ¹⁾; въ его рукахъ она легко можетъ превратиться въ страшное оружіе противъ православной же церкви“. Между тѣмъ, убѣжденные сторонники старокатолическаго движенія, близко съ нимъ знакомые и въ то же время занимавшіе высокое положеніе въ нашей православной церкви, а по своей научной компетентности и авторитету въ области религіозно-церковныхъ вопросовъ стоявшіе неизмѣримо выше моихъ оппонентовъ, отнесли къ статьѣ моей съ искреннимъ сочувствіемъ. Я разумю Высокопр. Антонія, въ то время Архіепископа Финляндскаго, О. Протопресвитера І. Л. Янышева и ген. А. А. Кирѣева, которые, по прочтеніи статьи моей, прислали мнѣ сочувственныя письма. Эти лица не только не считали мою статью неумѣстной и опасной для православной церкви, но даже, по спеціальной просьбѣ о. Протопресвитера І. Л. Янышева, А. А. Кирѣевъ сдѣлалъ изъ нея большое извлеченіе, которое въ переводѣ на французскій языкъ и было напечатано въ ближайшей книжкѣ старокатолическаго журнала „Revue internationale de théologie“, издававшася въ Бернѣ. Само собою разумѣется, что никакихъ ужасныхъ послѣдствій, которыхъ такъ боялись К. П. Побѣдоносцевъ и его анонимный совѣтникъ, отъ появленія статьи моей въ Россіи и за границей не произошло. Что касается нашего цензора, о. архим. Антонія, то присланныя ему внушенія и опасенія онъ встрѣтилъ совершенно спокойно, сохранивъ и на будущее время полную самостоятельность въ своемъ образѣ дѣйствій по отношенію къ академическому журналу. Ознакомивъ меня съ письмомъ К. П.—ча и съ приложеннымъ къ нему отзывомъ, онъ, не-

¹⁾ Старокатолическому епископу въ Америкѣ.

смотря на ясно выраженное здѣсь несочувственное отношеніе къ старо-католическому движенію, далъ редакціи Богосл. Вѣстника полную свободу помѣщать на его страницахъ статьи А. А. Кирѣева,—горячаго защитника старокатоликовъ, и при цензурѣ этихъ статей неизмѣнно обнаруживалъ полное безпристрастіе, чуждое хотя бы малѣйшихъ придирокъ не только къ мыслямъ, но и къ выраженіямъ.—Но скоро наступили другія времена, когда нашему цензору и ректору пришлось и лично потерпѣть отъ новыхъ вѣяній, можетъ быть, между прочимъ, и за его свободное отношеніе къ академическому журналу.—

1-го августа 1893 года скончался Высокопр. Леонтій, митрополитъ Московскій, и его преемникомъ назначенъ былъ магистръ 14-го курса нашей академіи Высокопр. Сергій, Архіепископъ Кишиневскій. За все время существованія Моск. Дух. Академіи это былъ первый митрополитъ, изъ ея питомцевъ вступавшій на Московскую кафедру. Наша академія имѣла, повидимому, всѣ основанія къ тому, чтобы ожидать отъ новаго Владыки особенно-благожелательнаго и сердечнаго къ себѣ отношенія, такъ какъ онъ былъ не только ея воспитанникомъ, но, по окончаніи курса, шестнадцатъ лѣтъ прослужилъ въ ней, послѣдовательно занимая должности бакалавра, инспектора и ректора, а потому она должна была бы быть особенно родственной и близкой его сердцу. Въ составѣ нашей академической корпораціи были еще лица, которія учились въ академіи и начали свою профессорскую службу въ ней въ тѣ годы, когда молодой архимандритъ Сергій, ставшій теперь митрополитомъ, былъ инспекторомъ и ректоромъ академіи, а потому хорошо помнили его какъ наставника, сослуживца и начальника. Эти свѣдующіе люди предупреждали насъ, что отъ новаго Владыки академія едва ли можетъ ожидать много хорошаго. Они указывали при этомъ на нѣкоторыя особенныя свойства его личнаго характера, рѣзко проявлявшіяся въ эпоху его ректорства въ академіи и послужившія причиною того, что съ большинствомъ профессорской корпораціи у него создались непріятныя отношенія, которія ко времени его ухода съ академической службы обострились до такой степени, что выражались иногда въ явно непріязненныхъ и враждебныхъ столкновеніяхъ. Получивъ назначеніе на курскую епископ-

скую кафедру и увѣжая тогда къ новому мѣсту своего служенія, Еп. Сергій выносилъ изъ академіи самыя тяжелыя впечатлѣнія и отзывался о ней открыто въ весьма нелестныхъ выраженіяхъ, высказывая напр. свою радость, что „вырвался наконецъ изъ этого омута“. Понятно, что послѣ подобныхъ предупрежденій академія встрѣчала новаго Московскаго архипастыря съ нѣкоторою тревогой.—

По первымъ шагамъ М. Сергія въ управленіи московскою академіей не было еще возможности составить надлежащее понятіе о характерѣ его будущихъ къ ней отношеній. Былъ даже случай, когда новый Владыка удивилъ насъ такимъ предложеніемъ, которое съ его стороны представлялось, по-видимому, совершенно неожиданнымъ. Какъ-то разъ, послѣ одного изъ свиданій съ митрополитомъ, о. ректоръ пригласилъ меня къ себѣ и сообщилъ, что Владыка высказалъ ему свое сочувствіе мысли о переводѣ московской академіи изъ Троицкой лавры въ Москву, а что касается ея тамъ помѣщенія, то онъ полагаетъ, что было-бы наиболѣе естественнымъ, чтобы она устроилась тамъ, откуда получила свое начало, т. е. при Заиконоспасскомъ монастырѣ, гдѣ нѣкогда процвѣтала московская славяно-греко-латинская академія. Высказавъ эти мысли, Владыка выразилъ желаніе, чтобы Богословскій Вѣстникъ на своихъ страницахъ поднималъ снова этотъ, уже прежде обсуждавшійся въ духовной литературѣ, вопросъ и занялся его разработкой. Такое предложеніе громаднымъ большинствомъ нашей корпораціи встрѣчено было съ полнымъ сочувствіемъ и, конечно, привлекло-бы большія силы къ всестороннему обсужденію указаннаго вопроса. Я, съ своей стороны, тотчасъ-же принялся за собираніе и пересмотръ всей прежней литературы по этому предмету, надѣясь въ самомъ скорѣйшемъ времени поставить его на очередь обсужденія, какъ одинъ изъ животрепещущихъ и насущныхъ для академіи. Это было въ октябрѣ. Въ первыхъ числахъ ноября начиналась обычная зимняя сессія Синода, на которую отправился и Владыка Сергій,—первый разъ въ качествѣ московскаго митрополита. Вскорѣ послѣ его отъѣзда, о. ректоръ передалъ мнѣ полученный имъ изъ Петрограда листокъ, на которомъ митрополитъ писалъ: „Здѣсь разсуждаютъ, что неудобно въ духовныхъ журналахъ Московской епархіи печатать статьи о перемѣщеніи московской

академіи изъ лавры въ Москву“. Насколько мало смысла въ этихъ разсужденіяхъ, — это, конечно, ясно для всякаго, и безъ сомнѣнія самъ митрополитъ въ настоящемъ случаѣ преклонялся никакъ не предъ ихъ основательностію. Очевидно, онъ побесѣдовалъ съ властью имущими особами, которыя издавна и завѣдомо были противниками перевода академіи въ Москву, и, не встрѣтивъ съ ихъ стороны сочувствія своему проекту, поспѣшили дать отбой. Такъ единственный свѣтлый проблескъ въ отношеніяхъ м. Сергія къ московской академіи оказался миражемъ.—

Между тѣмъ, тревожныя предупрежденія, къ сожалѣнію, начали оправдываться въ полной мѣрѣ и московская академія скоро стала чувствовать на себѣ тяжелую руку своего властнаго питомца. Въ частности, суровымъ вѣтромъ подуло и на Богословскій Вѣстникъ. Въ октябрѣ 1894 года А. А. Кирѣевъ, послѣ свиданія съ митр. Сергіемъ, между прочимъ, писалъ мнѣ: „я замѣтилъ, что Митрополитъ Московскій какъ-то отзывался неодобрительно объ академическихъ журналахъ. Не относилось-ли это къ Богословскому Вѣстнику?“ Думаю, что болѣе, чѣмъ къ какому-либо другому изъ академическихъ журналовъ; но пока цензоромъ Богословскаго Вѣстника состоялъ еще о. ректоръ Антоній, новое вѣяніе не было особенно замѣтнымъ. Несмотря на явно-неблагожелательное отношеніе къ нему Владыки, онъ въ своей цензорской дѣятельности настолько сохранялъ прежнюю самостоятельность, что тотъ же А. А. Кирѣевъ по поводу одной статьи своей выражалъ мнѣ желаніе „поблагодарить о. ректора за то, что онъ выказалъ нѣкоторую храбрость, нѣкоторое гражданское мужество; а это—такое рѣдкое свойство, что я обрадовался очень“.—Однако, дни о. Антонія въ Московской академіи были уже сочтены и въ августѣ 1895 г. онъ былъ переведенъ на ту-же должность въ Казань. „К. П. Побѣдоносцевъ говоритъ, что сослали его въ Казань въ угоду Московскому Владыкѣ“, писалъ мнѣ А. А. Кирѣевъ и въ томъ-же письмѣ прибавлялъ: „Какъ бы не добрались до Богословскаго Вѣстника?“ И дѣйствительно стали добираться.—

Преемникомъ о. Антонія по должности ректора академіи былъ назначенъ настоятель Московскаго Покровскаго монастыря о. Архимандритъ Лаврентій, изъ вдовыхъ священни-

ковъ, имѣвшій дѣтей и внучатъ, нѣкогда окончившій курсъ Кіевской духов. академіи со степенью магистра и затѣмъ выслужившій пенсію въ качествѣ законоучителя Воронежскаго кадетскаго корпуса. Человѣкъ очень умный, живой и общительный, интересный и остроумный собесѣдникъ, еще въ полныхъ силахъ къ труду и наблюдательный, о. Лаврентій могъ-бы быть полезнымъ дѣятелемъ, хорошимъ сослуживцемъ и начальникомъ, какимъ и былъ на прежнихъ поприщахъ своего служенія; но по странному до каприза выбору м. Сергія поставленъ былъ теперь на такое мѣсто, которое совершенно не соотвѣтствовало ни его свойствамъ, ни его личнымъ желаніямъ. Академическая жизнь, съ которою онъ соприкасался десятки лѣтъ тому назадъ, была имъ такъ основательно забыта и въ настоящее время настолько ему чужда, что во многомъ онъ совсѣмъ не понималъ ее и даже къ пустымъ мелочамъ ея никакъ не могъ приспособиться. Смѣшно было слушать, какъ нашъ о. ректоръ, по привычкѣ долговременной службы въ кадетскомъ корпусѣ, совѣтъ академіи называлъ комитетсмъ, а студентовъ—кадетами. Съ богословской наукой и ея интересами онъ давно уже распротился, что, конечно, нерѣдко ставило его въ весьма затруднительное положеніе и никакъ не могло способствовать поддержанію его авторитета не только среди профессоровъ, но даже и студентовъ. Онъ откровенно признавался, что назначенъ въ академію вопреки своему желанію, при чемъ митрополитъ будто-бы обѣщаль продержатъ его на ректорской должности лишь годъ или два, и никакъ не болѣе. Неповинный, повидимому, въ честолюбіи, онъ нисколько не прельщался высокимъ положеніемъ ректора академіи; но съ нѣсколько иной точки зрѣнія того-же житейскаго интереса цѣнилъ свой настоящій служебный переходъ какъ шагъ назадъ и большой убытокъ. Жалуясь на этотъ вынужденный переходъ, онъ говорилъ, что отъ одного Покровскаго монастыря въ Москвѣ получалъ вдвое болѣе того, что получаетъ теперь отъ академіи, а для него, какъ человѣка семейнаго, это обстоятельство имѣеть-де существенное значеніе. Не разъ по этому поводу слышалъ я отъ него любопытную фразу: „удивляюсь, зачѣмъ монаху деньги?! Иное дѣло—я, у меня семья“. Живя въ лаврскомъ уединеніи, оторванный отъ своей семьи и не очень склонный проводить много

времени за мало для него интересными академическими дѣлами, онъ, повидимому, очень скучалъ и тяготился своимъ одиночествомъ. На первыхъ порахъ своей академической службы онъ весьма охотно принималъ приглашенія на чашку чая или на какія-либо товарищескія собранія въ профессорскомъ обществѣ. На этихъ собраніяхъ, а также на бывавшихъ въ его квартирѣ засѣданіяхъ совѣта и правленія и при отдѣльныхъ посѣщеніяхъ его къ-мъ-либо изъ членовъ корпорации, онъ очень любилъ посидѣть и побесѣдовать въ приятной компаніи, съ большимъ удовольствіемъ занимая своихъ собесѣдниковъ неизчерпаемымъ запасомъ рассказовъ изъ своихъ, получившихъ въ нашей средѣ большую извѣстность, такъ называемыхъ „воронежскихъ воспоминаній“. На мою долю выпало этихъ рассказовъ больше, чѣмъ кому-либо другому, такъ какъ мнѣ приходилось часто бывать у него по дѣламъ цензуры и редакціи. Однако, такія времена болѣе или менѣе добрыхъ отношеній о. Лаврентія съ корпорацией очень скоро миновали, такъ какъ эти отношенія по необходимости испортились благодаря тому тяжелому служебному положенію, въ какое онъ былъ поставленъ. Избранникъ митрополита Сергія, прекрасно понимавшій, что исключительно по волѣ Владыки онъ занимаетъ совсѣмъ не подходящее ему мѣсто, и потому только въ митрополитѣ видѣвшій свою единственную опору, о. Лаврентій во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ по управленію академіей являлся безпрекословнымъ проводникомъ и исполнителемъ предписаній и внушеній своего патрона. Но [такъ какъ воля послѣдняго далеко не согласовалась съ интересами и стремленіями корпорации, то о. Лаврентій очутился между двухъ огней и его ректорская служба стала тяжелымъ испытаніемъ какъ для него самого, такъ и для академіи. Создавшееся такимъ образомъ положеніе въ полной мѣрѣ сказалось и на Богословскомъ Вѣстникѣ.—

Наступила пора, когда почти изъ за каждой, болѣе или менѣе живой и интересной, статьи приходилось по нѣскольку разъ вести продолжительные разговоры съ о. ректоромъ, которому нерѣдко самыя невинныя мысли и даже выраженія представлялись опасными и недопустимыми. Иногда и самъ онъ вполнѣ признавалъ неосновательность и чрезмѣрность своихъ цензурныхъ требованій, но это сознаніе по-

корно склонялось у него предъ страхомъ отвѣтственности, которую пропущенная къ печати статья могла будто-бы навлечь на цензора со стороны грознаго Владыки. Съ большими усиліями выторговавъ у о. ректора все, что только оказывалось возможнымъ, нужно было затѣмъ по долгу бесѣдовать съ авторами, убѣждая ихъ въ неизбѣжной необходимости нѣкоторыхъ пропусковъ и измѣненій въ текстѣ ихъ статей. Такая неприятная процедура была въ высшей степени утомительна и сильно дѣйствовала на нервы, тѣмъ болѣе, что мнѣ-же выпадало на долю выслушивать горькія сѣтованія авторовъ на искаженіе ихъ произведеній, хотя, при всемъ моемъ согласіи съ справедливостію этихъ сѣтованій, не было у меня никакихъ средствъ помочь авторамъ въ ихъ бѣдѣ. Письма А. А. Кирѣева напр. были въ это время полны подобныхъ сѣтованій. Въ концѣ октября 1895 г. онъ писалъ: „Грустно, что „сослали“ Антонія, но еще грустнѣе, что наступилъ такой *реакціонный* порядокъ. Впрочемъ *со свободной истинной* мыслью не сладить Московскому Владыкѣ (хотя онъ человѣкъ крѣпкій). Неужели же онъ думаетъ, что отрицательнымъ отношеніемъ къ мысли, что одними цензурными ножницами можно чего либо достигнуть! Нѣтъ! Возстановить *истину* можно лишь *открытой* борьбою противъ *неправды*, а не запрещеніями!“ Въ письмахъ отъ 1 и 11 февр. 1897 г. онъ писалъ: „Неужели цензура думаетъ, что она въ состояніи измѣнить исторію?!..“ „Досадны не измѣненія, дѣлаемая цензурой, an und für sich, а то, что цензура (духовная преимущественно) считаетъ себя призванною исправлять (а не только запрещать) то, что ей кажется не согласнымъ съ ученіемъ Православія Петра Великаго и К. П. Побѣдоносцева; досадно, что она залѣзаетъ въ интимнѣйшія Sancta Sanctorum души человѣка!“—Бывало иногда и такъ, что всѣ долговременные переговоры съ цензоромъ и авторами въ концѣ концовъ не приводили ни къ чему, какъ напр. по поводу одной статьи Е. Е. Голубинскаго. Высоко цѣня сотрудничество уважаемаго историка, я весьма желалъ добиться того, чтобы провести его статью въ журналъ при всѣхъ трудностяхъ тогдашней цензуры. Послѣ долгихъ бесѣдъ съ о. ректоромъ, установившимъ наконецъ предѣлъ допустимаго въ этой статьѣ, я нѣсколько вечеровъ провелъ у Евг. Евс—ча, убѣждая его къ неизбѣж-

нымъ уступкамъ, и во многомъ удачно сошелся съ нимъ; но всѣ мои усилія въ результатѣ оказались тщетными изъ за нѣсколькихъ строкъ. Е. Е. былъ не изъ такихъ, съ которыми въ подобныхъ случаяхъ было бы легко столкнуться, и статья его на страницахъ Богословскаго Вѣстника появиться не могла.—

Все это, однако, были пока лишь цвѣточки, а вскорѣ затѣмъ показали и ягодки. Въ одно совѣмъ не прекрасное утро призвалъ меня о. ректоръ къ себѣ и передалъ мнѣ словесный ультиматумъ митрополита: не печатать въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ никакихъ статей бывшего ректора академіи о. Антонія и профессоровъ Е. Е. Голубинскаго и А. П. Лебедева. О. ректоръ добавилъ при этомъ, что никакихъ исключеній, а также и никакихъ объясненій и разговоровъ по поводу этого распоряженія не полагается. Такимъ образомъ однимъ безапелляціоннымъ приказомъ самовластнаго Владыки академической журналъ лишенъ былъ весьма цѣннаго содѣйствія нѣсколькихъ сотрудниковъ и притомъ такихъ, которые въ кругу читателей пользовались высокимъ авторитетомъ, съ полнымъ сочувствіемъ доставляли доселѣ въ „Богосл. Вѣстникъ“ свои интересныя работы и на будущее время изъявляли готовность оказывать ему ревностную поддержку. Приказъ Владыки обнаруживалъ явное стремленіе подрубить у академическаго журнала тѣ корни, которые поддерживали его питаніе. Вскорѣ послѣ этого то-же стремленіе Владыки выразилось въ нѣсколько иной формѣ, коснувшись матеріальныхъ средствъ журнала.—

Одно изъ слѣдующихъ свиданій съ о. ректоромъ принесло мнѣ новый сюрпризъ. Митрополитъ требовалъ отъ редакціи „Богосл. Вѣстника“ объясненія: на какомъ основаніи она доселѣ пользовалась и продолжаетъ пользоваться накопившимися излишками упомянутаго выше филаретовскаго капитала и текущими съ него процентами, употребляя ихъ на свои нужды, когда капиталъ этотъ имѣетъ свое специальное назначеніе? По поводу этого запроса, цѣль котораго была, конечно, вполне понятна, являлась необходимость отстаивать права „Богосл. Вѣстника“, опираясь при этомъ на такихъ основаній, которыя могли бы быть убѣдительными даже для Владыки, завѣдомо предрасположеннаго въ неблагопріятномъ для журнала смыслѣ. Принявшись за такую

работу и надлежащимъ образомъ познакомившись съ обстоятельствами происхожденія филарѣтовскаго капитала, я разыскалъ въ нашемъ архивѣ редакціи всѣ сохранившіеся протоколы засѣданій того редакціоннаго комитета, который завѣдывалъ изданіемъ прежняго академическаго журнала „Творенія Св. Отцевъ“, и на основаніи этого матеріала рѣшился утвердить свою защиту правъ „Богосл. Вѣстника“ на такой мысли, которая, по моему мнѣнію, должна была произвестн на митрополита надлежащее дѣйствіе. Проницательные москвичи, присматриваясь къ своему новому Владыкѣ, давно уже успѣли замѣтить, что онъ былъ почитателемъ своего знаменитаго предшественника, митрополита Филарета. Онъ не только съ большимъ уваженіемъ относился ко всему тому, что носило на себѣ слѣдъ ума и воли великаго святителя, не только считалъ своимъ долгомъ свято хранить его завѣты; но даже нерѣдко обнаруживалъ явное стараніе подражать ему въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ, хотя, конечно, далеко не всегда это было ему по силамъ, и потому подъ часъ онъ представлялъ собою не особенно пріятное зрѣлище плохой копіи высокаго оригинала. По этому поводу въ Москвѣ ходило не мало разказовъ, быть можетъ и анекдотическаго свойства. Позволю себѣ привести здѣсь одинъ изъ этихъ характерныхъ разказовъ. Въ зимніе морозы къ утрениамъ великихъ праздниковъ, совершавшимся по обычаю московскаго Успенскаго собора глубокою ночью, въ этотъ древній храмъ собирались въ большомъ количествѣ не только ревностные богомольцы и любители торжественныхъ, боготѣльныхъ богослуженій, но и не мало безпріютной бѣдности, которая рада была возможности провести въ теплѣ нѣсколько часовъ и отогрѣть свои застывшіе на уличномъ холодѣ члены. Среди наполнявшихъ соборъ богомольцевъ, въ отдаленныхъ и уютныхъ мѣстахъ его, эта изможденная бѣднота располагалась на полу и, подъ звуки церковныхъ пѣснопѣній, спала безмятежнымъ сномъ, приткнувшись на своихъ узелкахъ. Однажды при такихъ обстоятельствахъ митрополитъ Сергій, предшествуемый знаменитымъ въ то время о. протодиакономъ, на величаніи праздника торжественно обходилъ храмъ съ кажденіемъ. Соборный сторожъ, пролагая впереди путь для Владыки, принялся, конечно, усердно расталкивать спавшихъ на полу посѣтителей, а о. протодіа-

ковъ зычнымъ своимъ полуголосомъ обратился къ нему съ словами: „не трожь, такъ при Филаретѣ было!“ Вотъ эту-то мысль—сослаться на высоко-чтимый митрополитомъ Сергіемъ авторитетъ Филарета, я и положилъ въ основу своей объяснительной записки при защитѣ интересовъ „Богосл. Вѣстника“. На основаніи сохранившихся документовъ я указалъ, что пользованіе процентами филаретовскаго капитала на нужды редакціи академическаго журнала установилось еще при жизни самого Филарета, при чемъ сохранялась въ неприкосновенности лишь первоначальная, основная сумма пожертвованнаго имъ капитала и такой порядокъ съ вѣдома и разрѣшенія Владыки практиковался во все время существованія прежняго академическаго журнала. „Богословскій Вѣстникъ“, какъ органъ академіи, уважалъ права и обязанности прежняго академическаго журнала, а потому считаетъ себя въ правѣ пользоваться накопившимися излишками и текущими процентами филаретовскаго капитала и твердо хранить неприкосновенность его основной суммы. Составленную въ этомъ смыслѣ подробную объяснительную записку со ссылками на документы я представилъ о ректору, который передалъ ее митрополиту. Послѣ этого шли недѣли и мѣсяцы, но никакихъ дальнѣйшихъ попытокъ запретить или ограничить употребленіе „Богословскимъ Вѣстникомъ“ на свои нужды-излишковъ и процентовъ филаретовскаго капитала со стороны Владыки не послѣдовало. Очевидно и въ данномъ случаѣ авторитетно подѣйствовала та-же мысль, которая сказала на утрени Успенскаго собора: „не трожь, такъ при Филаретѣ было!“—

Нисколько не скрываемое недоброжелательное отношеніе митрополита Сергія къ нашему академическому журналу, выражавшееся какъ въ приведенныхъ фактахъ, такъ еще болѣе во многократныхъ его мнѣніяхъ и отзывахъ, которые передавались мнѣ при свиданіяхъ о ректоромъ, создали во мнѣ убѣжденіе, что существованіе „Богословскаго Вѣстника“ виситъ на волоскѣ и первымъ удобнымъ случаемъ Владыка, безъ сомнѣнія, воспользуется, чтобы окончательно наложить на него свою тяжелую руку. Я увѣренъ, что такого рода неизбѣжный исходъ не осуществился только благодаря тому, что 11 февраля 1898 года митрополитъ Сергій скончался.

Со вступленіемъ на московскую кафедру Высокопреосвящен-

ценнаго митрополита Владиміра, а на должность ректора—о. арх. Арсенія ¹⁾ какъ вообще для академіи, такъ и для „Богословскаго Вѣстника, наступили совсѣмъ иныя, лучшія времена; но этой благопріятной перемѣной я воспользовался лишь въ очень малой степени, такъ какъ къ осени того же года ходатайствовалъ объ освобожденіи меня отъ редакторской должности. Я находилъ, что тѣхъ пяти съ половиною лѣтъ, какія я провелъ въ трудахъ и волненіяхъ по редакціи, для меня вполнѣ довольно, чтобы я могъ считать себя достаточно поработавшимъ для этого обще-академическаго дѣла и думалъ, что имѣю право сложить съ себя это тяжелое бремя на другія, свѣжія рамена. Это было единственною причиною моего отказа отъ редакторства, на которую я и указалъ новому Владыкѣ, когда въ частной бесѣдѣ со мною онъ пожелалъ получить отъ меня откровенный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Да, проведенныхъ лѣтъ было вполнѣ достаточно, о чемъ могутъ ясно свидѣтельствовать тѣ рѣчи, которыя были произнесены мною вскорѣ по освобожденіи отъ редакторской должности и выдержками изъ которыхъ я закончу мой настоящій очеркъ.

Въ 1899 году наша профессорская корпорація удостоила меня торжественнаго привѣтствія по поводу исполнившагося двадцатипятилѣтія моей академической службы, а въ концѣ 1901-го года эта корпорація праздновала десятилѣтіе существованія нашего новаго академическаго журнала. При обоихъ этихъ празднованіяхъ мои коллеги почтили меня добрымъ словомъ и по поводу моей редакторской дѣятельности. Отвѣчая на эти привѣты, я говорилъ: „Изъ того десятилѣтія „Богословскаго Вѣстника“, исполненіе котораго мы сегодня празднуемъ, болѣе половины былъ онъ подъ моимъ наблюденіемъ. Не могу сказать, что въ моей жизни эти годы редакторства составляютъ одну изъ лучшихъ страницъ. Правда, было въ нихъ не мало такого, что доставляло и радость и высокій интересъ; но за то, пожалуй, еще больше тяжелыхъ заботъ, разочарованій и огорченій. Нѣсколько изъ этихъ лѣтъ совпадали съ тою эпохой, когда и вообще нашей академіи жилось тяжело, журналу же приходилось прямо трепетать за жизнь свою, бороться противъ явнаго стремленія къ его

¹⁾ Нынѣ Архіепископъ Новгородскій.

закрытію. Слава Богу, эта пора миновала и „Богосл. Вѣстникъ“ дожилъ теперь до лучшихъ дней. И не со скорбію вспоминаю я миновшіе тяжелые годы, а съ радостію, чѣмъ уже вѣтъ, и съ надеждою, что подобныхъ никогда впредь не будетъ. Радость моя тѣмъ сильнѣе, что и тяжелые годы ясно мнѣ показали, что „свѣтъ не безъ добрыхъ людей“... „Отъ всей души благодарю Васъ“, говорилъ я своему преемнику по редакторству, проф. А. А. Спасскому, „и искренно радуюсь, если въ этомъ дѣлѣ мнѣ удалось оставить по себѣ хорошую память. Весьма не охотно принималъ я на себя редакторство. Слишкомъ трудно казалось оно мнѣ и боялся я, что оно можетъ быть для меня источникомъ осложненій въ отношеніяхъ и разнаго рода тревогъ. Пять съ половиною лѣтъ, проведенныхъ мною подъ бременемъ этой должности, къ сожалѣнію, вполнѣ оправдали мои опасенія. Мало радостей видѣлъ я, но за то слишкомъ много труда, часто почти безплоднаго, слишкомъ много волненій, безпокойствъ и тяжелыхъ испытаній. Съ облегченіемъ, полной грудью, вздохнулъ я лишь тогда, когда удалось мнѣ наконецъ сложить съ себя это бремя. Одно лишь радовало меня,—это мысль, что я несу бремя свое по довѣрію уважаемыхъ соотаваришей, которое было выражено и при моемъ избраніи и при моемъ отказѣ. Къ этой, высоко мною цѣнимой, но доселѣ единственной радости теперь Вы присоединяете другую. Цѣня то, что было сдѣлано мною для журнала, Вы вселяете во мнѣ утѣшительное сознаніе, что трудъ мой не пропалъ даромъ, что, по мѣрѣ возможности и по мѣрѣ силъ своихъ, я все-таки оправдывалъ то высокое довѣріе, какимъ соотаварищи мои меня почтили. Искренно признательный за эту радость, отъ всей души желаю Вамъ, многоуважаемый Анатолій Алексѣевичъ, чтобы Вашъ редакторскій путь былъ гораздо больше усыпанъ розами. Пусть на Вашу долю выпадетъ гораздо меньше тревогъ и испытаній, чѣмъ сколько выпало на мою, и пусть Вы будете свидетелемъ все большаго и большаго, и нравственнаго и матеріальнаго процвѣтанія всѣмъ намъ дорогаго „Богословскаго Вѣстника“.

Тонъ этихъ рѣчей далеко уже не тотъ, какимъ звучали слова мои пять лѣтъ тому назадъ, когда я вступалъ въ редакторскую должность. Очевидно, что этихъ лѣтъ было для меня вполнѣ довольно. —————

В. Соколовъ.